

ТЕСТЫ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

Николай Еременко считал, что судьба к нему благосклонна

Независимая газ. — 2001. — 1 июня. — С. 7

Геннадий Сухин

Всего год прошел, как умер Николай Еременко-старший. И вдруг, неожиданно для всех, — сын... В редакции осталось его интервью. Из бодрых, живых ответов Еременко-младшего видно, что этот человек полон энергии, в нем бурлят силы. Смерть всегда кажется нелепой. Но в этом случае кажется нелепой вдвойне. Он много еще собирался сделать...

- К АК ВЫ относитесь к себе?

— Я себя люблю как типаж, но рано или поздно ампула героя-любовника приходится менять.

— На вас спрос нынче как на «артиста» или как на «фактуру»?

— Надеюсь, я уже стал просто артистом с хорошей фактурой. А насчет вопроса... При минимуме фильмов, работа над которыми сейчас как-то теплится, я играю главные роли. Необычайно рад, что поработал с Дыховичным в «Крестоносце-2». Режиссеры ведь боялись преодолеть инерцию моего «красивенького личика», а Иван словно вывернул меня наизнанку: полчаса смотрел на себя на экране и не узнавал! Я и забывать уже начал, что способен на такое, но кое-кто еще помнит стариков моих на вгиковской площадке, водевильных характерных героев...

— Почему вы пошли во ВГИК, а не в Белорусский театральный?

— Да какой Белорусский театральный! Я же Москву покорить должен был. У Герасимова в «Людах и зверях» мой отец, Николай Еременко-старший, сыграл свою первую настоящую роль в кино. Домой со съемок вернулся и — Герасимов! Герасимов!.. Я тоже начал читать о нем, фильмы его смотреть. После школы поехал поступать, но в тот год мастерскую актерскую набирал Бабочкин, к тому же я опоздал. На следующий год показывать Герасимову меня повез уже отец. «Что вы нам почитаете?» — спрашивает Сергей Аполлинариевич на собеседовании. «Заболоцкого», — говорю. Он на меня эдак посмотрел: «Что именно?» «Грозу». Он брови поднял: «Ты сам это любишь, мальчик? Ну прочти, прочти...» И я понял: попал! Отец меня просто заставил выучить это стихотворение: «Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница...» Герасимов во время съемок эти строчки столько раз бубнил-декламировал! Хотя мальчишескими своими мозгами я вряд ли тогда понимал всю глубину этого стихотворения. Тамара Федоровна Макарова меня, правда, в мастерскую брать не хотела — нас, «детей», в тот год оказалось слишком много: Наташа Бондарчук, Володя Тихонов... Но позднее мне передали, что Герасимов пообещал сделать артиста «из этого мальчика». Верить хочется, что обещание он выполнил: ведь не зря же он меня — из почти двухсот своих учеников по ВГИКу и студии при «Ленфильме» — аж в

шести фильмах снял. Больше меня у него только сама Тамара Федоровна снималась...

— Но ведь вы не только артист...

— Я не играю, только когда на диване лежу. Попытки попробовать себя в иных качествах у меня исключительно единичны: как-то в рекламе отметился. В режиссуре, с фильмом «Сын за отца», рискнул даже на эксперимент над собственными голосовыми связками, в Театре эстрады с Ириной Грибулиной спели, зритель «браво!» орал. А за собственное кино мне не стыдно: в нем нет неприменных нынешних ЧП — чернухи с порнухой, он лидировал на кино- и видеорынках... Но главное, в чем я во время съемок убедился, так это в том, что я с людьми могу работать! Я же одиночка по натуре — никогда не ходил в стаде, коллектив меня угнетает, поэтому и в театре никогда не работал. Хо-

тя в свое время даже Марк Захаров заводил со мной об этом разговор... Сам факт моей «режиссуры» я сегодня расцениваю, конечно, как испуг: я не привык сидеть без дела, а как раз на эти годы и пришелся, видимо, мой «кризис среднего возраста» и начало падения кинопроизводства. Главное же — мне непременно нужно было вытащить отца из ощущения старости! Он ведь родителем-то был довольно жестким: драл меня по-черному! Оно, конечно, было за что, но взаимопониманию поколений это не способствовало. А уже во время учебы во ВГИКе я приезжал домой в Минск и пытался в их провинциальном быте внедрить столичные новшества. Но мы никогда не ссорились на идеологической почве: я всегда считал отца человеком честным и порядочным — прежде всего за его последовательность в мировоз-

зрении; он не из тех, кто меняет свои убеждения по дуновению ветерка... Но зато уж во время съемок я им накомандовался за все мое подчиненное детство!

— Режиссер Гавриил Егизаров предложил вам в фильме «Горячий снег» роль лейтенанта Кузнецова: мужественно-положительного, чистого и бескомпромиссного...

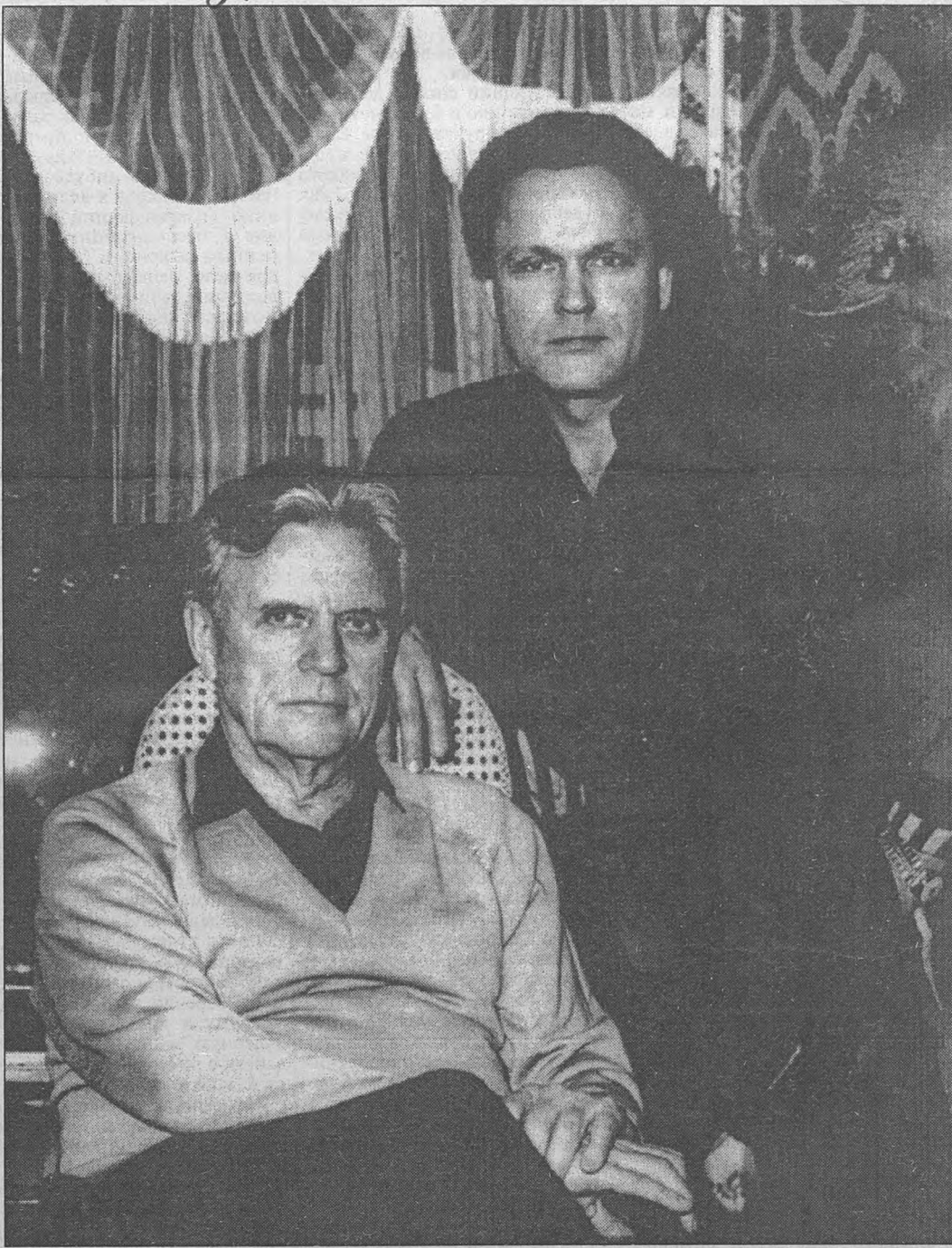
— Меня как раз забирали в армию. Косить я не собирался, наоборот: шел в армию вполне осознанно. И до сих пор считаю, что там в моей голове многое встало на свои места. У меня же после института и двух-трех первых кинопопавлений вполне была опасность... ну, скажем, увлечься богемной стороной существования молодого таланта. Правда, вопрос осложнялся тем, что я только-только появился на экране, в фильмах «У озера», «Любить человека» как-то себя проявил. И тут вдруг исчезнуть на год! Поэтому мне в армию надо было пойти так, чтобы меня не только девочки-поклонницы помнили, но и режиссеры. И вдруг на горизонте такая роль. Что у меня было-то до нее: ну побегал по лесочку в фильме «У озера», с чертежами походил и даже чего-то, кажется, повякал в «Любить человека», но режиссеры-то еще не заинтересовались! Тряс буквально каждого конкурента: «Или ты от роли откажешься, или я тебя пришибу!»

— Эта работа была удостоена диплома кинофестиваля ВГИКа «За лучшую мужскую роль первого года после окончания института». Вообще вы довольны своей судьбой?

— Творческой? Как пошутил один великий: красавцы плохо кончают! Так вот я, когда это услышал, решил: хрен вам! И могу только благодарить Господа, что эта самая судьба так благосклонна ко мне. Житейской? Ну как можно быть совершенно счастливым в стране совершенно несчастной?

— А что для вас счастье?

— Детство, Витебск, где я жил до шестого класса: «Там Марк Шагал и Фрадкин Марк родились, и Коля-младший». Я рос в семье, где было мало мебели, но имела приличная библиотека — родители были в то время артистами начинающими, так что гарнитурами еще не обзавелись. К книжкам я долго не прикасался: ходили на Западную Двину собирать оружие — навалом лежало в наших «тайниках»! Водился, естественно, с самыми хулиганами: воровали, портвейн пили... Прозвище у меня было *Артист* — довольно обидное для того времени, поскольку интеллигентство было не в чести. И я лез на рожон, доказывая, что голубых кровей во мне — ни-ни. А, впрочем, по отцу — я мешанин и обыватель, по матери — крестьянин. Позднее пришла пора Юля Верна, Джека Лондона — читал все ночи напролет... И сегодня выбираю не режиссера, а историю, драматургию — про что будет сниматься кино.

Николай Еременко — отец и сын.

89